

Иллюстрация: [Влад Милушкин](#) для ОВД-Инфо

20.11.2018, 11:03 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

«Можем и по-плохому»: как силовики предлагают активистам сотрудничать с ними

Установление неформального контакта с активистами и попытки заключить с ними соглашение о сотрудничестве — за последние годы эти действия стали неотъемлемой частью работы силовиков в России. Журналист Мария Климова расспросила активистов и рассказывает, как избежать принудительного сотрудничества и что делать, если оперативники ФСБ и Центра «Э» все-таки добились встречи с вами.

Левый оппозиционер Иван Смирнов, взвесив все «за» и «против», согласился встретиться с Алексеем

из московского отдела Центра «Э»: по телефону полицейский, с которым они уже дважды виделись, пообещал рассказать ему что-то очень важное. Гадая, о чем пойдет речь, активист пришел в кафе, где его ждал Алексей. Сотрудник Центра «Э» угостил Смирнова кофе, а затем предложил вместе пообедать и выпить. Иван поблагодарил его и сказал, что не голоден. Тогда его собеседник заказал себе еду и алкогольный коктейль.

Разговор с полицейским был довольно бессодержательным, вспоминает Смирнов: Алексей вслух размышлял о политической ситуации в стране и делился семейными проблемами. «У меня сын заканчивает 11 класс, не хочет учиться и валяет дурака, — жаловался сотрудник Центра „Э“. — Я ему говорю: готовься к поступлению в вуз, иначе в армию пойдешь. Мы же понимаем, что нормальный человек не хочет в армию идти. Правда ведь?».

После безрезультатных попыток завязать со Смирновым непринужденную беседу, Алексей перешел к делу: он предложил оппозиционеру сотрудничать с московской полицией. По его словам, Смирнов мог бы давать ведомству свою «экспертную оценку» политических процессов в стране. В разговоре оперативник даже туманно намекнул на финансовую поддержку, которую он может оказывать активисту в обмен на регулярные встречи. Иван от предложения отказался.

— Тогда мы можем и по-плохому, — предупредил полицейский.

— Это как?

— Будет хоккей на всех фронтах, — многозначительно сказал Алексей, но объяснять, что это значит, не стал.

ПРИНУЖДЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Впервые полицейские связались с Иваном Смирновым (имя и фамилия активиста изменены по его просьбе) в 2003 году, незадолго до согласованной с властями демонстрации. Смирнов был одним из организаторов московского митинга, и когда сотрудники МВД предложили ему обсудить вопросы безопасности на акции, это его не насторожило. «Тогда я был молодой-неопытный и подумал, что может стоит с ними встретиться, — объясняет активист. — Я позвал на встречу других заявленных организаторов, чтобы не возникало прецедента автономного общения с этими людьми».

Сотрудники МВД были неприятно удивлены, когда на беседу с ними Смирнов пришел не один. Разговор получился пустым и занял не больше 40 минут. Полицейские поблагодарили организаторов митинга и распрощались.

Через пару месяцев со Смирновым связался один из присутствовавших на встрече силовиков — Алексей. Он предложил встретиться в неформальной обстановке и что-то обсудить. «Я согласился, подумал, что он может сообщить мне что-то существенное. И я пошел, уведомив об этом своих товарищей», — вспоминает Смирнов.

В тот раз они впервые встретились в кафе. Полицейский дружелюбно и ненавязчиво расспрашивал активиста о планах на будущее и жизненных установках, а также рассуждал о коммунизме и минусах глобализации. «Потом он как-то резко спросил, сообщу ли я ему, если стране будет грозить какая-то опасность. Я тогда пообещал, что если жизнь людей будет в опасности, и мне станет об этом известно, то я обязательно ему расскажу», — говорит активист.

Еще через пару месяцев оперативник снова позвонил Ивану и предложил «сделать их встречи регулярными». Смирнов ответил, что ему это не интересно.

Последний раз активист виделся с Алексеем в 2010 году в кафе. В тот раз Смирнов записывал разговор с полицейским на диктофон, спрятанный в кармане куртки. Он вспоминает, что немного удивился, когда его собеседник начал завуалировано ему угрожать и говорить про «хоккей на всех фронтах». «На протяжении всех этих бесед, за исключением последней, где присутствовали элементы легкого шантажа, сотрудники вели себя доброжелательно», — говорит активист. После этой встречи их общение с сотрудником Центра «Э» прекратилось. Несмотря на угрозы полицейского, никаких проблем на работе или где-либо еще у Смирнова не возникло.

Сейчас Иван считает, что ему вообще не стоило встречаться с сотрудником Центра «Э»: «На самом деле, никаких содержательных вещей в этих разговорах не было, была попытка установления контакта, причем построенного на взаимном доверии». Если бы ситуация повторилась, говорит Смирнов, он бы просто отказался беседовать с оперативниками без повестки.

«Я вообще не заметил в этих разговорах никакой кровной заинтересованности сотрудников. Они, мне кажется, отработывали какой-то формальный номер, поручение, — говорит активист. — А вот что показалось мне забавным тогда, так это то, что на встрече в кафе сотрудник старался заказывать побольше дорогих напитков и блюд, а после забирал все чеки с собой. Видимо, чтобы потом отчитаться».

«ВСЕ МОЖЕТ ПЛОХО ЗАКОНЧИТЬСЯ»

Те, кто занимается направлением защиты конституционного строя, ошибочно воспринимают оппозиционных активистов как врагов, считает адвокат Сергей Бадамшин, отсюда и попытки тотального контроля, и провокации вроде той, что была организована по делу «Нового величия».

«Оперативно-розыскная деятельность вообще-то нужна не для контроля, как это происходит у нас, а только в случае, если есть основания полагать, что совершено преступление, либо по уже совершенному преступлению. Просто так ходить и проводить оперативно-розыскные мероприятия — недопустимо», — объясняет адвокат.

В октябре 2018 года у здания тверского ФСБ появилась растяжка с надписью «ФСБ под суд». Заметив баннер, сотрудники ведомства сняли его с забора; происшествие почти не привлекло внимание СМИ.

Спустя две недели житель Твери Роман Акимов, несколько раз участвовавший в городских протестных акциях, вышел на парковку гипермаркета. Он убрал сумку с продуктами в багажник и сел на водительское место. В этот момент незнакомый ему мужчина постучал в окно.

— Роман, привет, помнишь меня? Мы с тобой учились вместе.

Акимов его не узнал. «Я сначала подумал, что мало ли, может, кто-то из одноклассников. Может, просто не узнаю человека», — рассказывает он. Растерявшись, активист открыл дверь и предложил незнакомцу присесть на пассажирское место возле него. Мужчина сел в машину и представился Александром, сотрудником местного ФСБ. Документы он Роману не показал. «Вы никаких глупостей не будете делать?» — спросил он активиста. Когда Акимов сказал, что не будет, Александр махнул рукой своему напарнику, стоявшему на улице у машины

активиста, и тот отошел. «Видимо, он взял с собой подкрепление на всякий случай», — предполагает Роман.

— Скажите, что вас мотивировало повесить баннер возле ФСБ? — спросил Александр. По словам Акимова, силовик был абсолютно уверен в его причастности к акции.

Александр признался, что уже навел о Романи справки и знает, что тот не служил в армии из-за проблем со спиной. Он расспрашивал Романа о его политических взглядах и об акциях, организованных сторонниками Алексея Навального.

«Я не посчитал нужным отвечать на его вопросы. Он предлагал оставить номер телефона, сказал, что мы можем с ним пообщаться. Ему было очень интересно, с кем я общаюсь, в каких группах состою», — говорит Акимов. Он запомнил, что сотрудник ФСБ поначалу был вежлив и перешел к угрозам после того, как Акимов отказался сотрудничать. «Я сказал, что не вижу смысла общаться с ним, мне это абсолютно не нужно, и если они хотят официального общения, то пусть присылают повестку», — объясняет активист.

«Тогда все может плохо закончиться», — предупредил его сотрудник ФСБ. Он пригрозил, что если Роман продолжит заниматься политической деятельностью, то силовики могут задержать его позже и тогда, возможно, активист станет фигурантом уголовного дела. После этого Александр попрощался и вышел из машины Акимова.

Иллюстрация: Влад Милушкин для ОВД-Инфо

Руководитель юридического отдела Фонда борьбы с коррупцией Иван Жданов говорит, что не раз слышал от активистов рассказы о том, как силовики пытались вступить с ними в неформальный контакт. По его словам, такая практика совсем не нова — оперативники много лет пытаются найти людей, готовых к сотрудничеству.

«Они подходят, предлагают переговорить в неформальной обстановке. У них есть разные способы увещевания и давления: либо обещания помочь в продвижении по карьерной лестнице, либо попытки испугать неприятностями на работе, — говорит юрист. — На такие неформальные встречи ходить не стоит — они, во-первых, обманщики, а во-вторых, сотрудничество с ними — позорное дело».

Активистам следует делать такие предложения ФСБ и Центра «Э» публичными, говорит Жданов, тогда оперативники быстро отстают. «Я бы не сказал, что у них установка с самого верха на вербовку активистов и наших волонтеров. Нет, это частная инициатива, в том числе и региональных оперативных сотрудников, которые считают, что таким образом они могут манипулировать и получать информацию», — говорит он.

«МЕЛКИЕ ГАДОСТИ»

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» **разрешает** силовикам привлекать граждан «к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам».

Информаторами могут стать совершеннолетние дееспособные лица, независимо от их национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения. Впрочем, существуют и некоторые ограничения — оперативники не могут вербовать депутатов, судей, прокуроров, адвокатов и священников.

Сотрудники ФСБ вышли на Богдана Титова (активист попросил не указывать его настоящее имя) через его старшего брата — подмосковного бизнесмена.

«Мы организовывали зоозащитную акцию в 2009 году в Москве, меня там задержали, а потом арестовали на несколько дней. Тогда правоохранители относились

к таким мероприятиям с гораздо большим подозрением, чем к неонацистским митингам, — рассказывает Богдан, — зоозащитные акции казались им чем-то чрезвычайно прозападным и непонятным. Они без проблем узнали, откуда я, но сначала отправили сотрудника к моему брату».

Чтобы не доставлять хлопот своей семье, Титов согласился встретиться с оперативником в кафе, а после сходить на беседу в местное ФСБ. По словам Богдана, выбора у него не было — его собеседник сразу дал понять, что если он откажется, то у его брата возникнут серьезные проблемы.

«Меня заставляли объяснять, чем занимаются зоозащитные активисты, рассказывать, с кем мы участвовали в акции, и прочее. Видимо, вопросы им спустили из управления ФСБ в Москве. Я плел какую-то ерунду, говорил, что познакомился с ребятами на акции и не знаю, как их зовут. Они это записывали. Я еще подумал тогда: ого, как все просто, можно нести чушь, и это всех устраивает», — говорит Богдан. Кроме этого, он по просьбе оперативников заполнил анкету, куда внес основные сведения о себе — место и дату рождения, места работы, учебы и проживания.

Даже спустя несколько лет после акции сотрудники ФСБ как будто случайно, но регулярно встречались с Титовым у его подъезда, дверей больницы или магазина. Они расспрашивали его о переменах в жизни, работе и нынешних увлечениях. «Ты пойми, мне-то ***** [все равно], просто ты теперь попал в нашу базу», — объяснил ему один из сотрудников ФСБ. Чтобы избежать этих встреч, активист перестал приезжать в родной город и окончательно обосновался в Москве.

Часто оперативники действительно могут делать активистам, отказавшимся от сотрудничества, «мелкие гадости», говорит Иван Жданов: «Но чаще речь идет

о неприятностях, которые, опять же, можно делать публичными».

Встреча четверокурсника Максима Иванова (он попросил не называть его настоящее имя, потому что сейчас «все затихло») с сотрудниками ФСБ проходила в кабинете службы безопасности университета, куда студента пригласили без каких-либо объяснений. Максим не запомнил фамилию человека, который его опрашивал — хотя тот и показал ему удостоверение, активист успел взглянуть только на фотографию.

Осенью 2018 года Иванов, житель одного из крупных городов в Сибири, раздавал листовки на акции протеста перед выборами в городскую Думу. Одну из них Максим во время митинга дал мужчине, который оказался оперативником ФСБ.

По словам Иванова, сотрудники спецслужбы разговаривали с ним вежливо и спокойно: «Как с хулиганом, который окно разбил, и они ведут с ним профилактическую беседу». Собеседник Максима расспросил его о его интересах, друзьях-анархистах и оппозиционных акциях, а затем предложил ему стать информатором силовиков. Оперативник протянул ему документ, в котором указывался выданный Иванову позывной. Кроме того, договор запрещал Максиму разглашать информацию, которую он будет им передавать. Студент подписал договор. «Я в тот момент не видел другого варианта, как бы я оттуда просто ушел, — объясняет он. — Я не предупредил никого из друзей и не знал, что эти люди могут со мной сделать. Поэтому для меня это был вынужденный шаг».

Иванов договорился с сотрудниками о встрече. Накануне назначенной даты один из сотрудников ФСБ написал Максиму в телеграм и поздравил активиста с днем рождения. Иванов, вопреки обещаниям, на встречу с силовиками не пришел, и те как будто бы о нем забыли.

«Я после этого стараюсь не привлекать к себе внимание СМИ», — говорит он.

По словам Бадамшина, активист, которому поступило предложение о сотрудничестве, должен выслушать оперативников и понять, чем ему грозит отказ от разговора с ними: «Если возникла такая ситуация, то прежде всего важно больше слушать и меньше говорить. Второй момент: важно взять паузу и пойти к адвокату посоветоваться. Потому что такие предложения могут быть чем угодно — начиная от провокации и заканчивая пранком».

Ходить на встречи с сотрудниками ФСБ стоит только по одной причине — таким образом активист может узнать, существуют ли какие-то обстоятельства, которые могут повлиять на его привлечение к уголовной ответственности в будущем, говорит адвокат Дмитрий Динзе.

«Я советую ходить и записывать на диктофон такие разговоры, чтобы в будущем можно было иметь доказательства, что со стороны правоохранительных органов были какие-то провокации. Конечно, это надо делать», — объясняет адвокат. При этом сотрудники Центра «Э», по словам Динзе, едва ли могут создать реальные проблемы для активистов: у них нет таких полномочий. Другое дело — сотрудники ФСБ, у них действительно могут быть рычаги давления, отмечает он.

По словам адвоката, вербовка — это важная часть оперативной работы. «Это же „палка“ в палочной системе оперативного работника. Если у них на приколе будет мало агентов, то они не смогут писать нормальные справки-меморандумы о том, что им стало известно от оперативных источников. Агента на самом деле даже может не быть, он может быть выдуманным. Чем больше агентов завербует оперативник, тем лучше для него.

Поэтому иногда агентов выдумывают, а иногда есть и реальные», — говорит Дмитрий Динзе.